

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39
Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10
--	----

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджита («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпиграфического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четырова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

Д.В. Возчиков

Религии Индии и Юго-Восточной Азии в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти

В статье рассматриваются образы религиозной жизни обширного региона Южной и Юго-Восточной Азии, отразившиеся в отчёте Никколо Конти (ок. 1395–1469), венецианского купца, посетившего Индию, Индокитай и Нусантару в 1420–1430-е гг. Его рассказ о путешествии был записан папским секретарём и флорентийским гуманистом Поджо Браччолини. Гуманист сопоставлял данные Конти с описанием Индии у Плиния. Конти описал индийских и цейлонских брахманов, которых считал благородными философами, индуистские храмы, празднества и жертвоприношения, несторианскую общину в Индии, обычай охоты за головами у батаков, но не упомянул распространение ислама в регионе.

Ключевые слова: Никколо Конти, Поджо Браччолини, Венецианская республика, история Индии, брахманы, индуизм, Ренессанс, гуманизм, ориентализм, история Шри-Ланки, история Индонезии, история Таиланда.

К середине XV в. Венецианская республика давно пользовалась славой наиболее информированного о делах на Востоке европейского государства. Дипломат и путешественник из Венеции Иосафат Барбаро (1413–1494) однажды заметил: «Большая доля той малой части земли, которая обитаема, оставалась бы вовсе неведомой, если бы венецианская торговля и венецианское мореходство не открыли её» (Барбаро, 1971, с. 136). Одним из тех венецианцев, благодаря которым знания позднесредневекового Запада о народах Востока существенно расширились, был купец Никколо Конти (ок. 1395–1469). Конти провёл в торговых поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии свыше двадцати лет. Рассказы венецианца об этих землях дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвёртую книгу «Истории о превратностях судьбы» (Врассиолини, 1723), и кастильского путешественника Перо Тафура (Тафур, 2006).

Путешествия Никколо Конти до сих пор специально практически не исследовались в российской историографии. Из источников, связанных с Конти, до выхода русского перевода «Странствий и путешествий» Тафура отечественному читателю был доступен лишь перевод ряда отрывков из отчёта Поджо Браччолини в статье о Конти в четырёхтомнике Р. Хённига, немецкого историка географических открытий (Хённиг, 1963, т. 4, с. 44–53). Полностью «История

о превратностях судьбы» Браччолини с отчётом Конти на русский язык никогда не переводилась. Однако и в мировой историографии исследования, посвящённые Конти, немногочисленны. Из последних обзорных работ о путешествиях Конти следует отметить редакционную статью К. Бризила (Breazeale, 2004). Месту отчёта Конти в тексте Браччолини и первым его изданиям посвящена работа индийского филолога С. Чаудхури (Chaudhuri, 2009). Испанский исследователь Х.П. Рубиес в монографии о европейских путешествиях в Индию в эпоху Возрождения проявляет большой интерес к странствиям Никколо Конти, ставит проблему формирования образа индийской действительности в отчёте путешественника, однако не затрагивает освещение буддийского мира в отчёте Конти (Rubíes, 2000).

После возвращения в Италию Конти прибыл в 1439 г. (Breazeale, 2004, p. 100) во Флоренцию, где находился папа Евгений IV (Габриэле Кондульмер, венецианец), для того, чтобы получить прощение за отречение от веры в Египте. В качестве искупления за вынужденное принятие ислама на обратном пути Конти подробно рассказал о своих путешествиях папскому секретарю Поджо Браччолини. По признанию самого Конти, он вынужден был принять ислам не столько из-за угрозы своей жизни, сколько из-за страха за жизнь своей жены и детей (Bracciolini, 1723, p. 126). С Перо Тафуром Конти повстречался на Синае двумя годами ранее, в 1437 г. на обратном пути в Италию. В непринуждённой беседе с Тафуром Конти гораздо больше, чем в отчёте папскому секретарю, даёт волю воображению и часто рассказывает откровенно фантастические истории, в том числе о своём пребывании при дворе легендарного пресвитера Иоанна. Конти поведал кастильцу: «Когда я приехал в Индию, меня отвезли к пресвитеру Иоанну, который принял меня хорошо и оказал много милостей, женил меня на женщине, с которой я еду, и эти дети родились у меня там, и прожил я в Индии сорок лет, очень желая вернуться на родину» (Тафур, 2006, с. 89). Вполне возможно также, что Конти сознательно дезинформировал впечатлительного и доверчивого кастильца, стараясь не пустить в Индию никого, кто мог бы составить конкуренцию венецианским купцам. По словам самого Тафура, Конти, узнав, что его собеседник собирается отправиться в Индию, стал настойчиво отговаривать идальго от втягивания «в столь великое безумие, ибо дорога длинна, трудна и опасна, через земли чужих племён без царя, закона и господина» (там же, с. 89–91). Конти далее живописует жестокость и грубость жителей дальних стран, причём без конкретной локализации, и именует их «звероподобными людьми, над которыми не властен их разум» (там же, с. 91). Отношение к индийцам и сиадцам в отчёте Браччолини у Конти совсем иное, а столь пугающие характеристики встречаются в описании жителей Нусантары и Андаманских островов. В рассказе папскому секретарю Конти представил подробную историю своих путешествий и описания увиденных им стран и городов, религиозной жизни и повседневности Индии и Юго-Восточной Азии, и именно этот отчёт — основной источник для данного исследования.

Все земли, лежащие к востоку от Ирана, фигурируют в отчёте Конти под общим наименованием «Индии»: «Вся Индия разделена на три части: первая — от Персии до реки Инд, вторая — от Инда до Ганга, а третья — всё, что далее. [Третья часть — Д.В.] намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам» (Bracciolini, 1723, p. 139). Конти значительно меньше, чем, к примеру, Марко Поло, привлекали военные и событийные сюжеты. Особый интерес венецианец XV в. проявил к торговле, обычаям, нравам и верованиям далёких стран.

Очевидно, перед тем, как оказаться на страницах «О превратностях судьбы», сведения Конти вновь прошли отбор: гуманиста Поджо более всего интересовала духовная жизнь далёких стран, и он явно старался соотнести данные путешественника с хорошо известными ему античными источниками: в частности, комментируя пространный рассказ Конти про охоту на слонов у жителей страны Мацин, Браччолини замечает, что такой же способ охоты на этих зверей — приманка дикого самца с помощью прирученной самки — упоминается ещё Плинием (там же, p. 132). Описания религиозной жизни стран Южной и Юго-восточной Азии в передаче рассказа Конти у Поджо Браччолини примечательны тем, что характеризуют не только личные впечатления венецианского путешественника, но и попытку флорентийского гуманиста «приручить» вновь приобретённые знания. Браччолини пытался включить полученные им от путешественника сведения о общественной и духовной жизни Индии в собственное мировоззрение ренессансного мыслителя-гуманиста и почитателя античности. Большая часть того, что Браччолини знал об Индии до встречи с Конти, базировалась на античной традиции. Перед рассказом о путешествиях Конти, Браччолини утверждал, что Конти достиг земель, лежащих далеко за островом Тапробаной, «до которого, как известно из письменных свидетельств, не добирался никто из нас, кроме двоих: во-первых, командира флота Александра Великого, а во-вторых, римского гражданина во времена Тиберия Клавдия Цезаря» (Bracciolini, 1723, p. 127). Для гуманиста было важно подчеркнуть, что «мы» — это единая общность древних греков и римлян с его современниками, заново открывающими античную словесность. К разнообразным средневековым текстам, в которых Индия и Юго-Восточная Азия так или иначе нашли отражение, Браччолини не проявил заметного интереса. Он не обращался к таким энциклопедиям, как «Великое зеркало» доминиканца первой половины XIII в. Винченца из Бове, и игнорировал сведения европейских путешественников, сравнительно недавно бывавших значительно восточнее Тапробаны, которую Конти прямо отождествил с Суматрой, — гуманист не упомянул ни Одорико де Порденоне, посетившего в начале XIV в. Индию и Китай, ни даже Марко Поло (Chaudhuri, 2009, p. 270).

Напротив, Никколо Конти, вероятно, был хорошо знаком с книгой своего соотечественника Марко Поло и ещё до начала своего путешествия имел возможность почерпнуть из неё некоторые сведения об Индии и Юго-Восточной Азии.

В ряде описаний Конти прослеживается преемственность с «Книгой о разнообразии мира». К примеру, у Поло встречаются сведения о распространении в Индии астрономии и геомантии (Поло, 2012, с. 182), в отчёте Конти эти сферы знания описаны как прерогатива брахманов (Bracciolini, 1723, р. 142). В отчете Конти упоминаются два острова под названием Ява — Ява Большая и Ява Маленькая (Java Maior и Java Minor — вероятно, Ява и южная часть Суматры), отстоящие друг от друга на расстоянии 100 миль, окружности островов соответственно три и две тысячи миль (там же, р. 135). Практически те же самые данные о размерах Большой и Малой Явы сообщает Марко Поло: более трёх и более двух тысяч миль в окружности (Поло, 2012, с. 169, 172). В Китае Конти, очевидно, не был. Ещё в 1368 г. монгольская династия Юань была свергнута, но венецианский купец пребывал в уверенности, что Китаем до сих пор правят из города Камбалескья великие ханы (Bracciolini, 1723, р. 134). В описании китайской столицы у Конти можно проследить влияние рассказа Поло о Ханбалыке времён Хубилая.

Культурам Юго-Восточной Азии, как и Китаю, в отличие от Индии, заметного места в античной традиции не нашлось: сколько-нибудь достоверные сведения о них начали поступать в Европу лишь с XIII в. в сообщениях миссионеров, купцов и путешественников, главным образом благодаря появлению связующей разные концы Евразии Монгольской империи. Поэтому сведения о них для гуманиста Браччолини, по-видимому, мало интересовавшегося близкими ему по времени сочинениями о дальних странствиях, были определённым информационным вызовом. Однако, как мы увидим далее, страны, не отраженные в трудах античных писателей и географов, воспринимались Конти—Браччолини отнюдь не одинаково.

Один из ключевых элементов в образе Индии у Конти — это портрет брахманов. Индийские брахманы изображены у Конти—Браччолини образованными и добродетельными мудрецами: они прямо названы «родом/племенем философов» — «Philosophorum genus» (там же, р. 142). Примечательно, что у Плиния Старшего брахманы («Brahmanae») тоже именуется «племенем» (Pliny, 1961, vol. 2, р. 386). Конти отмечает праведность и мудрость брахманов, их познания в астрономии и геомантии и уверяет даже, что встречал философа, дожившего до трёхсотлетнего возраста (Bracciolini, 1723, р. 142). Под геомантией, скорее всего, Конти подразумевал индийское учение об организации пространства — вастувидья. Брахманы в отчёте венецианца изображаются также могущественными чародеями, способными вызывать и останавливать бурю (там же).

Цейлон представлялся венецианскому купцу республикой, которой правят знатные брахманы: «Острова управляются родом браммонов, которые считаются мудрее остальных людей. Браммоны — философы, посвятившие всю жизнь изучению астрологии и совершенствованию добродетельной жизни» (там же, р. 130). Конти подробно описывает царский двор империи Виджаянагар, но монархов на Цейлоне не упоминает, хотя, судя по всему, в образе брахманской

республики в его рассказе предстало тамильское индуистское царство Джафна на севере острова. Судя по описанию «государства философов» на Цейлоне, Конти весьма высоко оценивает способность брахманов к управлению. Известно, что костяк государственного аппарата Виджаянагара составляли именно брахманы. Ещё основатель державы Харихара I, проводя политику централизации, начал заменять наследственных глав округов назначаемыми из центра чиновниками (История Индии, 1968, с. 329).

На восприятие Цейлона как своеобразного государства философов у Конти, вероятно, повлияла государственная идеология Венецианской республики. В рассказе о Цейлоне Браччолини вряд ли искажает описание Конти, так как его собственные взгляды на благородство как черту, главным образом, нрава, а не крови противоречили принятым в Венеции воззрениям. Видный венецианский гуманист Лауро Квирина написал полемический трактат «О благородстве. Против Пождо Флорентийца» (O'Connell, 2004, p. 487). Склонность к созданию утопических картин Конти обнаружил и в беседах с Тафуром. Мифическое государство пресвитера Иоанна в Индии в его представлении — тоже олигархическая республика, в которой пресвитер Иоанн — не конкретный персонаж, а выборный магистрат, отдалённо напоминающий венецианского дожа. В рассказе Конти пресвитера выбирала коллегия из «двенадцати мужей, благородных по происхождению и добродетели» (Тафур, 2006, с. 91). Таким образом, в описаниях Конти отчётливо прослеживаются утопические мотивы, основанные на «венецианском мифе».

Брахманы в описании Конти—Браччолини не фигурируют как жрецы. В качестве индийских священнослужителей представлены «Vachali». Об этих жрецах сообщается, что они вегетарианцы и ограничиваются одной женой, которая после смерти мужа восходит на его погребальный костёр и, сгорая, никак не показывает свою боль (Bracciolini, 1723, p. 132). На восприятие Поджо Браччолини рассказов Конти о брахманах мог оказать влияние идеализированный образ индийских гимнософистов («нагих мудрецов») в античной литературе, в частности, в «Естественной истории» Плиния. Однако у Плиния брахманы упоминались лишь среди множества индийских «племён», покорённых Александром Македонским, а философами и подвижниками, способными постоянно смотреть на солнце, предстают другие — гимнософисты (Pliny, 1961, vol. 2, p. 520.), прообразом которых послужили, вероятно, джайны или адживики. Vachali в описании Конти противопоставляются брахманам, «племени философов» как «племя жрецов» (Bracciolini, 1723, p. 142). Если брахманы распространены по всей Индии, то Vachali у Никколо Конти — скорее локальная общность, связанная с городом Cambaitha (там же, p. 138). Под последним, по-видимому, Конти подразумевал важный торговый город Камбей в Гуджарате, современный Кхамбхат (Rubin, 2000, p. 100).

Конти подробно рассказывал о повсеместно распространённой в Индии традиции самосожжения вдов — сати. Самосожжение вдов упоминается Конти

в описании столицы империи Виджаянагар: «В городе насчитывается 90 тысяч человек, способных носить оружие. Местные жители берут столько жён, сколько захотят, и те потом сжигаются вместе с [умершими — *Д.В.*] мужьями» (Bracciolini, 1723, р. 128). Далее купец говорил о многочисленных жёнах императора, их градации и участи, ожидающей вдов после смерти государя. «Их [виджаянагарцев — *Д.В.*] царь, — сообщал путешественник, — намного превосходит остальных. Он имеет двенадцать тысяч жен, из которых четыре тысячи следуют за ним повсюду пешком и заняты на кухне; столько же — в нарядах, украшенных богаче, ездят верхом. Остальные путешествуют в носилках, и из них две или три тысячи выбраны ему в жены, с условием того, что после смерти своего господина они добровольно бросятся в костёр, что считается для них великой честью» (там же, р. 129). По словам путешественника, жрец *Bachali* напутствует готовящуюся взойти на костёр вдову, призывая «презреть жизнь и смерть», и рассказывает об ожидающей её загробной жизни с мужем, полной неги и роскоши (там же, р. 141).

Сати у Конти — неотъемлемая часть образа жизни и рядовых горожан, и царского двора, и жрецов. В ярком описании сати в среде жрецов *Bachali* мы скорее видим восхищение мужеством и стойкостью жены, чем осуждение самоубийства, то есть Браччолини здесь, очевидно, более привержен античному идеалу добродетели, нежели типично христианскому. В таком восприятии *Bachali* у Конти—Браччолини прослеживается определённая симпатия. Поэтому причины различия между *Bachali* и брахманами-философами в данном источнике следует видеть в большом разнообразии жречества в зависимости от кастовой принадлежности, конкретной функции и региона. Разные роды брахманов классифицируются в зависимости от ранга каст, которым они служат в качестве домашних жрецов, причём выше всех в иерархии стоят учёные брахманы, которые вообще не служат (Дюмон, 2001, с. 95).

Сообщество с относительно схожим с бахали названием — это баккалы. В более поздних индийских источниках, в частности, эпохи Великих Моголов, баккалы — общее название купеческих каст (Ашрафян, 1987, с. 122). Гуджаратские банья, правда, относятся к варне не брахманов, а вайшьев. Возможно, под бахали Конти подразумевал именно их, учитывая такие особенности, как географическую привязку к Гуджарату и вегетарианство. С другой стороны, Конти нигде не называет бахали торговцами, они — *genus sacerdotum*. Вопрос об идентификации бахали остается открытым.

Особый интерес Никколо Конти проявил к праздникам, храмам и статуям богов. «По всей Индии почитаются боги, которым строят храмы, очень напоминающие наши, — рассказывает путешественник, — изнутри они расписаны разнообразными фигурами, а по торжественным дням украшаются цветами; в храмах стоят идолы — каменные, золотые, серебряные и из слоновой кости, некоторые из них достигают шести футов в высоту» (Bracciolini, 1723, р. 143). Конти прямо указывал на разнообразие молитв и жертвоприношений в Индии,

на подношения «по обычаю древних язычников» божествам угощений, которые после совершения ритуала раздавались беднякам (там же). Он оставил описание праздника колесниц в столице крупнейшей индуистской державы Юга: «В Виджаянагаре также в определённое время года устанавливают идола между двумя колесницами, в которых красиво наряженные девушки поют гимны богу, идола возят по городу в сопровождении множества людей. Многие, охваченные жаром своей веры, бросаются под колеса, чтобы быть раздавленными, что считается приятным богу» (там же, р. 144). За рассказом о празднике колесниц у Конти следует красочное описание праздника Холи, во время которого индийцы, громко смеясь, обливают шафрановой водой всех участников праздника, включая царя и царицу (там же, р. 144–145).

Кроме самоубийств на празднике колесниц в отчёте Конти упоминались и другие практики религиозного самоистязания. В городе Камбее, по свидетельству путешественника, жрецы перед идолами обращаются к народу с призывом оставить жизнь во имя богов. Один из распространённых способов культового самоубийства, после которого человека «считают святым», согласно Конти, — отсечение себе головы круглым железным предметом, закреплённым на шее и приводимым в движение ногами с помощью цепи после произнесения определённых слов (там же, р. 144).

Описывая сати или аскетические подвиги индуизма, Конти обычно не пытался дать оценку происходящему с точки зрения христианской морали, он старался указать, какой смысл им придавали сами индийцы. Конти проявил неподдельный интерес к индийской культуре, был открыт прекрасному в ней. Однажды венецианец был так заворожен «сладостным пением» индийской свирели, что индийцы, видя его восхищение, рассказали ему о том, что свирель подражает пению легендарной птицы *semenda*, способной возрождаться из пепла (там же, р. 147).

Может показаться странным, что Конти практически не говорил об индийских мусульманах, о могущественных мусульманских государствах, к примеру, о державе Бахманидов. В Индию Конти попал вместе с персидскими купцами. Он прекрасно знал арабский и персидский языки. Конти и его новые компаньоны дали друг другу клятву верности (там же, р. 128). Последнее говорит о том, что венецианец, очевидно, стал членом одной из персидских купеческих корпораций. Первым из индийских городов Конти посетил Камбей, находившийся под властью гуджаратских султанов из династии Музаффаридов. В то время Гуджаратским султанатом правил Ахмад-шах (1411–1443), основатель Ахмадабада — новой столицы государства и важного экономического центра (Алаев, 2003, с. 146). Правда, большая часть путешествий венецианца по Индии пришлась на южную её часть, где доминировала индуистская империя Виджаянагар, фигурирующая у Конти под названием *Bizenegalia* (Bracciolini, 1723, р. 128). Косвенно исламизация упоминалась в рассказе Конти о погребальных обычаях «передней Индии», которые резко контрастировали с кремацией, характерной для «центральной Индии» (по Конти, все территории между Индом

и Гангом). Конти описал величественные усыпальницы знати «передней Индии», над которыми сооружался роскошный павильон (там же, р. 141).

Конти упоминает индийских несториан, повествуя о своих путешествиях по империи Виджаянагар. О процветании этой христианской общины в данный период можно судить по сообщению Конти о несторианах в Майлапуре: «Еретики поклоняются телу Святого Фомы, которое с честью покоится в огромнейшей и красивейшей базилике. Они называются несторианами, и в этом городе их проживает до тысячи; они рассеяны по всей Индии так же, как евреи среди нас» (там же, р. 129).

Если нравы Индостана у Конти описаны с известной симпатией, то островной пояс Юго-Восточной Азии — Нусантара — изображен жестоким и неприветливым миром с изуверскими обычаями. Знакомство Никколо Конти с Нусантарой началось с Суматры (Sciamuthera). Венецианец отождествил с Тапробаной античных авторов именно её, а не Цейлон, фигурирующий под названием Saillana (там же, р. 130). Путешественник посетил здесь прославленный город-эмпорий, где провёл год, однако полагал, что на острове «мужи жестокие, а нравы грубые» (там же, р. 131). Путешественник пренебрежительно отозвался о внешнем виде горожан, утверждая, что и у мужчин, и у женщин огромные уши, оттянутые серьгами с драгоценными камнями. Жители Суматры носят льняные и шелковые одеяния до колен. В области Батех (очевидно, батаки) Конти отметил каннибализм и обычай охоты за головами: «В части острова, которую называют Батех, живут людоеды (Antropophagi), которые постоянно воюют со своими соседями... Они обезглавливают пленных врагов, и, съев плоть, сохраняют их головы, используя их в качестве денег: если им нужно что-либо купить, то они расплачиваются одной или несколькими головами в зависимости от стоимости вещи. Тот, кто хранит дома много голов, считается богаче» (там же). На двух Явах, как утверждал Конти, жили «бесчеловечнейшие из всех и жесточайшие» люди на земле, для которых «убить человека — забава» («hominem occidere pro ludo est») (там же, р. 135). В рассказе путешественника о нравах яванцев содержится наиболее раннее свидетельство в западноевропейском источнике об амоке — сложном социально-психологическом феномене Нусантары.

Амок (амук) — состояние бешенства, необузданной ярости (Ревуненкова, 2008, с. 300), в источниках Нусантары он предстаёт в разных формах. Иногда — как чисто спонтанная вспышка агрессии, иногда — как процесс, до некоторой степени управляемый. Так, согласно хронике «Сулалат-ус-сулатин», сын министра Малаккского султаната тун Хусейн говорил своим противникам: «Если кто-нибудь оскорбит моего отца, я впаду в состояние амока» (там же, с. 372). Воображение Конти поразили обычаи, согласно которым, несостоятельный должник, не желающий становиться рабом заимодавца, выбегал на улицу с мечом, убивая всех встречных, пока сам не будет убит, после чего заимодавец мог взыскать долг у убийцы должника (Bracciolini, 1723, р. 135). Очевидно, здесь мы имеем дело с ограниченно управляемой разновидностью амока, при которой

человек «запускает процесс» по собственной воле, но затем уже совершенно не в силах его остановить. Появляется закономерный вопрос: почему именно яванцы названы Конти бесчеловечнейшими, а не жители Виджаянагара или Гуджарата с обычаем сати и многочисленными самоубийствами на празднествах? Вероятно, здесь дело во многом в личных впечатлениях Конти, встретившего на Яве времён медленного упадка островной индуистской империи Маджапахит более воинственную, по сравнению с виденными им ранее, культуру. Немалую роль в негативном отношении венецианца к Яве с её культом меча (криса) могло сыграть то обстоятельство, что в самой Венеции ношение оружие было под запретом. Перо Тафур писал: «В этом городе никто никогда не носит оружия, под угрозой страшнейшего наказания, какие бы обстоятельства ни были, и ещё меньше дерзнул бы кто-нибудь прийти с оружием на совет» (Тафур, 2006, с. 159).

Для человека средневекового Запада стереотипным олицетворением насилия был мир ислама, тем более в период османской экспансии (Кардини, 2007, с. 150–151). Однако у Конти насилие не связывается с постепенным процессом исламизации Малайского архипелага, и это не отражено в его рассказах. Марко Поло, который посетил Суматру в 1292 г. и застал исламизацию Нусанатары в её начальной фазе, хотя и пишет о жителях Суматры, что «все они идолопоклонники», упоминает обращение в ислам «сарацинскими купцами» горожан царства Перлак на Суматре (Поло, 2012, с. 172). Поло чётко различает горожан и горцев (батаков). Последних Марко Поло уподобляет зверям, пишет о широко распространённом у них каннибализме, а религиозную жизнь суматранского горца характеризует не без доли иронии: «Как встанет утром, первое, что увидел, тому и молится» (там же, с. 173). Подобной дифференциации суматранцев по образу жизни и верованиям у соотечественника Поло через полтора столетия мы не встречаем. О религии жителей Суматры Конти лишь повторил скупую формулу, что они «все идолопоклонники» (Bracciolini, 1723, р. 131).

Несмотря на неоднократные характеристики народов Индии и Юго-Восточной Азии как идолопоклонников, в отчёте о путешествиях Конти видно стремление представить их носителями верований с определёнными чертами христианства. Уже упоминалось, что Конти находил индийские храмы очень похожими на европейские. Примечательно также утверждение Конти о сходстве домов и дворцов в городах Италии и Китая, жители которого, по мнению путешественника, «скромны, благовоспитанны и богаче жителей других стран» (там же, р. 134). Эта тенденция к поиску общего между странами «Индий» и Христианским миром ещё более заметна в описании страны Мацин. Царь Мацина, по свидетельству Никколо Конти, держал десять тысяч боевых слонов (там же, р. 132), и, скорее всего, Мацин Конти — это сиамское государство Аюттия. Попыток выявить различие между индуизмом и буддизмом в рассказах Конти—Браччолини не просматривается. Конти передаёт текст утренней молитвы жителей Мацина: «Бог тройственный и закон Его, храни нас» («Deus trinus et lex ejus eadem, nos tuere») (там же, р. 133). Скорее всего, христианскую Троицу

Конти напомнила буддийская формула трёх драгоценностей учения: «Будда, дхарма и сангха». За этим преобразованием трех сокровищ буддизма в Троицу в тексте Браччолини, очевидно, стоят не только трудности для Конти понимания чужих языка и верования, но и стремление папского секретаря к поиску в верованиях язычников с рафинированной культурой идей, хотя бы отдалённо напоминающих христианские и, следовательно, придающих этим верованиям интеллектуальную легитимность при включении сведений о них в гуманистический дискурс. Подобным образом итальянские гуманисты XIV—XV вв. стремились примирить и совместить вновь открытое наследие античной культуры с христианством. Флорентийский неоплатоник Марсилио Фичино (1433—1499) писал о мудрецах Греции и Рима: «Ибо что иное заключено в них, помимо поклонения единому Богу и предписаний нравственной жизни?» (Черняк, 2005, с. 266).

В отношении Никколо Конти и Поджо Браччолини к религиозной ситуации в обширном регионе Южной и Юго-Восточной Азии можно отчётливо проследить три основных тенденции. Во-первых, Индия воспринималась как страна, чьими чудесами восторгались античные авторы, — как некий живой и едва ли не вечный свидетель, заставший и переживший ушедшую греко-римскую культуру. Многобожие индийцев для Браччолини близко к язычеству древних греков и римлян, оно сопровождается добродетельной философией брахманов, искусством и изысканной архитектурой, а не «антропофагией» и охотой за головами, как у суматранских батаков. Во-вторых, поиск сходства увиденной экзотической действительности с Христианским миром: автор отчёта не только увидел в индуистских храмах сходство с христианскими, но и «нашёл» в буддийской молитвенной формуле подобие Троицы. В-третьих, городская культура, тончённость искусства и образа жизни являются в отчёте Конти основным критерием положительного отношения к Другому. Отсутствие упоминания о той или иной стране в греко-римской традиции все же не перекрывало ни у путешественника, ни у гуманиста интерес к ней. Собранные Конти данные о Востоке имели большое значение в деле приращения географического знания Запада на заре Великих географических открытий, оказали огромное влияние на формирование ренессансного дискурса о Востоке. Этому немало способствовали личные качества Конти: его купеческий прагматизм сочетался с открытостью другим культурам и желанием их понять.

Сокращения

SOAS — School of Oriental and African Studies.

Литература

- Алаев Л.Б. Средневековая Индия. СПб., 2003.
Ашрафян К.Э. Дели: история и культура. М., 1987.
Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XVI в. / Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб., 2001.

- История Востока. Т. 2: Восток в средние века. М., 1999.
- История Индии в средние века. М., 1968.
- Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007.
- Поло М. Книга Марко Поло / Предисл. В.В. Бартольда. М., 2012.
- Ревуненкова Е.В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и её культурно-историческое значение. СПб., 2008.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Тафур П. Странствия и путешествия. М., 2006.
- Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 4. М., 1963.
- Черняк И.Х. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5 / Под ред. Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 262–267.
- Bracciolini P. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor*. Paris, 1723.
- Breazeale K. Editorail Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. 2004. Vol. 2. № 2. P. 100–109.
- Chaudhuri S. *India Recognita: The Travels of Nicolò de' Conti // Oriente e Occidente nel Rinascimento* / ed. Luisa Secchi Tarugi. Milan, 2009. P. 236–278.
- O'Connell M. The Venetian Patriciate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete // *Renaissance Quarterly*. 2004. Vol. 57. № 2. P. 466–493.
- Peebles P. *The History of Sri Lanka*. London, 2006.
- Pliny the Elder. *Natural History* / with an English translation by H. Rackham. Vol. 2, Libri III–VII. London: 1961.
- Rubiés J.-P. *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625*. Cambridge, 2000.

Summary

D.V. Vozchikov

Religions of India and Southeast Asia in Niccolò de' Conti's Account

This article observes the image of diverse religious life of the vast region of South and Southeast Asia in the account of Niccolò de' Conti (ca. 1395–1469), a Venetian merchant, who travelled to India, Indochina and Nusantara in 1420–1430s. The narrative about his voyage was recorded by the papal secretary and Florentine humanist Poggio Bracciolini, who also compared Conti's evidence with Pliny's description of India. Conti described the Indian and Ceylonese Brahmins, which he considered the noble philosophers, Hindu festivals and sacrifices, the Nestorian community in India, headhunting among the Bataks, but didn't mention the spread of Islam in the region.

Key words: Niccolò de' Conti, Poggio Bracciolini, the Republic of Venice, the history of India, the Brahmins, Hinduism, Renaissance, humanism, orientalism, the history of Sri Lanka, the history of Indonesia, the history of Thailand.